

Предисловие

...Смысла нет — ни в смысле, ни в бессмыслице, есть лишь Бес Смыслие, мой старый знакомый, вышедший в тираж и даже не добравший документов для получения пенсии.

В. Аксенов. Золотая наша Железка

Этот эпиграф, как всякая нужная вещь, долго не дававшаяся в руки, пока ее искали, а потом сама обнаружившая себя, когда настоящая потребность в ней вроде бы отпала, — нашелся сам собой. И пришлось кстати. Слова писателя часто говорят больше, чем кажется. Так и здесь. Не одержимы ли мы, или по крайней мере некоторые из нас, бесом по имени «Смыслие», и не ищем ли мы смысл там, где его *нет*? Или же само это выражение *бессмысленно*, и всё, в том числе и бессмыслица, имеется только потому, что оно — осмысленно? Что такое *смысл*: функция вещей или условие их возможности? И не есть ли поиск смысла — погоня за призраком, ускользающим каждый раз именно перед тем, как мы готовы окончательно поймать его, просто потому, что мы ловим его — им же самим?

Принято считать, что смысл слов конвенционален. Он, иначе говоря, зависит от нашего установления: если мы договариваемся, что некий языковой знак, скажем, слово, будет для нас выступать вместо такой-то вещи либо вместо другого языкового знака или их сочетания, мы тем самым определяем его значение. Знак, твердо связанный со своим означаемым благодаря нашему общему соглашению, становится осмысленным. Эта осмысленность может быть передана любому, кто знает об установленном значении знака. Таким образом, сам по себе, без нашего установления, знак совершенно пуст, так что все его содержание — плод нашего договора, то, что мы в него вложили.

Это древнее, как сама философия, представление не претерпело существенных изменений и в наше время. Даже если мы неспособны твердо и определенно установить значение языкового знака, даже если оно плывет в бесконечной игре взаимных отсылок и вариаций, тем не менее эта неопределенность устанавливается именно как недостижимость той

самой идеальной определенности¹. Если традиционно считалось, что содержание языкового знака можно твердо и ясно установить благодаря соглашению, то сейчас мы лишь питаем сомнение в действенности такого соглашения и в отчетливости достигаемого с его помощью значения языковых знаков. Тем самым произвольность установления значения языковых знаков, наша свобода в определении их содержания не только не ставятся под сомнение, но, напротив, выступают еще более рельефно.

Именно это представление — представление о произвольности установления содержания языковых знаков — и станет у нас предметом сомнения.

Действительно ли только соглашением — пусть и сколько угодно опосредованным традицией — устанавливается содержание языкового знака? И действительно ли мы *в принципе* вполне вольны давать знакам содержание, делая их тем самым языковыми знаками? Вот вопрос, на который пытается ответить эта книга.

Сомнение в произвольности осмысления слов не означает, что я предполагаю, будто сама природа знака предопределяет означаемое. Скорее можно сказать, что я призываю обратить внимание на ту область, что располагается *между* знаком и означаемым. Именно эта область оказывается областью их связывания, и именно она считается вполне подчиненной нашему свободному установлению, которое как бы одним махом способно соединить одно с другим. Связь между знаком и означаемым оказывается тогда в принципе *простой*, так что считают возможным схематично отобразить ее стрелкой или прямой линией. Суть предлагаемого здесь подхода — в том, что на месте этой простоты и произвольности (не устранимых, но только отодвигаемых в перспективу, пусть подчас и бесконечную, некоторыми современными семантическими теориями) мы увидим процесс: во-первых, сложный; во-вторых, закономерный, а значит, формально описываемый; в-третьих, предполагающий возможность своих разных реализаций; в четвертых, ответственный (по меньшей мере частично) за формирование значения.

Теоретические построения, созданные как реализация этого взгляда, названы «логикой смысла». Они не имеют отношения к тому, что имел в виду Ж. Делёз, использовавший это же словосочетание в названии своей книги. В принципиальном отличии предложенного здесь подхода от делёзовской позиции читатель будет иметь возможность убедиться. Название «Логика смысла» сложилось у меня самостоятельно, задолго

---

¹ В этом плане характерна критика Ж. Деррида в адрес Лакана, посчитавшего возможным такую определенность на каком-то шаге ввести [Деррида 1999, с. 675—677]. Если вместо *недостижимости* мы в духе Деконструкции признаем и *недостижимость*, от этого дело для нас принципиально не изменится, поскольку разговор о недостижимости абсолютной, «чистой» осмысленности не мог бы начаться без самого представления о возможности такого достижения, — а именно это представление мы и рассматриваем.

до того, как делёзовская книга могла повлиять на меня, поэтому я вправе считать его собственным. Сохранить это название было для меня принципиальным в силу того, что оно отражает суть высказанного мной взгляда, во-первых, на место категории «смысл» в метафизической картине мира и, во-вторых, на возможность упорядоченного, логического его схватывания. Но логика смысла вместе с тем отличается от многообразных систем формальных логик. Ведь те в конечном счете исходят из того, что форма может быть вполне отделена от содержания, и затем устанавливают закономерность для формы совершенно независимо от того содержания, которое ее наполнит. Они поэтому вынуждены считать чистой формой то, что на деле обладает содержанием (я имею в виду прежде всего связку, отрицание и противолежащую ему утвердительность), а значит, само может требовать своего снятия в следующей формализации. Именно от этой предпосылки освобождается логика смысла. Как это возможно — об этом речь впереди.

Во Введении мы рассмотрим соотношение между развиваемыми в этой книге взглядами и подходами к близким проблемам в современной философии, дав в конце его общую панораму понимания категории «смысл» и перспектив мышления, строящегося как ее разработка. В Главе I объектом нашего внимания станут феномены обыденного мышления классической арабской культуры. Метод контрастного понимания позволит ответить на вопрос, объяснимы ли рассматриваемые вербальные структуры в пределах допущений существующих теорий значения и какие теоретические положения должны быть приняты, чтобы восполнить недостаточность средств понимания, предоставляемых в наше распоряжение философией и лингвистикой. В Главе II положения логико-смысловой теории будут развиты далее на основе свидетельств теоретического, преимущественно философского, мышления. Глава III посвящена выяснению предельных интуиций, обосновывающих логико-смысловые закономерности. Кроме того, она излагает итожащий обзор рассуждений и приводит строгое доказательство правильности изложенной в книге теории. Более подробное представление о подразделах глав дают их названия. Заключение содержит общее изложение развитой в книге логико-смысловой теории. Предметный указатель составлен как своеобразный путеводитель по основной терминологии и проблематике книги, с тем расчетом, чтобы служить дополнительным источником для уяснения ее главных идей. Библиографический словарь содержит краткую справку по отдельным арабским мыслителям и малоизвестным школам и сектам, упомянутым в тексте; за более подробными разъяснениями по данному вопросу мне приходится рекомендовать читателю обратиться к специальной литературе.